29 сентября 2009 года

Институт экономики города, Москва

Заседание Дискуссионного клуба по теме

«Бездомность: есть ли выход?»

Открытие:
Пузанов Александр, генеральный директор фонда «Институт экономики города»

Ведущие:
Коваленко Елена (ведущий эксперт направления «Социальная политика» фонда «Институт экономики города»)
Строкова Елена (консультант направления «Социальная политика»)

Участники:
1. Боброва Мария Елисеевна (Социальный работник, Здравпункт по оказанию медицинской и социальной помощи лицам без определенного места жительства)
2. Вышинский Олег (руководитель группы помощи бездомным Комиссии по социальной деятельности Церкви при Епархиальном совете Москвы)
3. Гутова Зиля Ханифовна (Заведующая здравпунктом по оказанию медицинской и социальной помощи лицам без определенного места жительства)
4. Жарикова Ольга Александровна (Социальный работник, Здравпункт по оказанию медицинской и социальной помощи лицам без определенного места жительства)
5. Ирэн Зайончек (Президент некоммерческого благотворительного Фонда экстренной помощи детям улиц "Самю Сосиаль")
6. Клюева Надежда Юрьевна (Психолог, Международная благотворительная организация «Каритас»)
7. Кузнецова Наталья Николаевна (Руководитель службы помощи бездомным Комиссии по социальной деятельности Церкви при Епархиальном совете Москвы)
8. Кузьмина Алена Евгеньевна (волонтер Православного Народного Движения "Курский вокзал. Бездомные дети", член правления РОО "Дом на пути")
9. Леонтьева Анна (Психолог-волонтер Фонда "Тверская альтернатива")
10. Маркова Наталья (Движение «Друзья на улице»)
11. Осина Александра (уличный работник проекта «Работа с потребителями наркотиков» Фонда «Тверская альтернатива»
12. Перминова Марина Феликсовна (Международная благотворительная организация «Каритас»)
13. Романова Ольга (Международная организация по миграции)
14. Хохлова Мария Леонидовна (Социальный работник, Здравпункт по оказанию медицинской и социальной помощи лицам без определенного места жительства)

А.С. Пузанов:

Мы переживаем период многочисленных разговоров о модернизации – это слово с недавних пор стало весьма популярным. В первую очередь все говорят о технико-технологической модернизации, но есть ли понимание того, что без социальной

модернизации технологическая невозможна и мы обречены на то самое отставание, которое сейчас тревожит и власть, и общество?

Говоря о социальной модернизации, нельзя не сказать о главной проблеме: вызовы, которые ставит перед нами новая эпоха, новая экономика, новые общественные отношения, требуют использования новых механизмов в управленческой деятельности, новых механизмов принятия решений. В нашем институте мы с этой проблемой сталкиваемся постоянно, поскольку активно работаем на муниципальном уровне, на уровне конкретных городских территорий и видим, что существующие механизмы принятия решений неадекватны тем задачам, которые необходимо решать.

День ото дня расширяется круг проблем, которые невозможно решить традиционным административным способом, когда кто-то сверху дает указания, а нижестоящий их выполняет, производя какие-то практические действия. Именно поэтому в последние годы одним из основных направлений работы Института экономики города стала разработка моделей устойчивых процедур горизонтального взаимодействия для решения вопросов местного значения.

Загляните на сайт ИЭГ, и вы увидите, что в числе наших приоритетных проектов – организация взаимодействия, координации различных видов планирования, потому что поиски «главного» при разработке стратегии социально-экономического развития в большинстве муниципалитетов заводят в абсолютный тупик. Для нас совершенно очевидно, что от Москвы до самого маленького поселения в отдаленном регионе нет и не может быть «главного», что нужен механизм (процедура) взаимодействия и координации двух ветвей планирования.

Мы постоянно наблюдаем это во взаимоотношениях между муниципалитетами, когда при возникновении любой проблемы, допустим автомобильной пробки на стыке Москвы и Московской области, в системе управления первым делом вызревает только одно решение — создать единый орган управления, объединить Москву и Московскую область, и тогда проблема будет решена. Хотя в законе есть статья, касающаяся межмуниципального сотрудничества, она практически является «мертвой». И в этом наш институт тоже видит свою важную задачу — наполнить красивые слова о межмуниципальном сотрудничестве реальным содержанием, а значит, реальными процедурами, реальными инструментами.

Самый сложный уровень, многоаспектный пласт проблем – это взаимоотношения властных структур и структур гражданского общества. На мой взгляд, это проблемы общемирового масштаба, которые мы уже в полной мере почувствовали на себе.

Обсуждению всех этих вопросов в контексте темы бездомности мы и хотим посвятить сегодняшнее заседание.

Передаю слово Елене Коваленко и Елене Строковой, которые вели этот проект в течение всех четырех лет, что наш институт занимается проблемой бездомности. Они попытаются рассказать, к каким выводам мы пришли, и обсудить эти выводы с вами, а присутствующие, я надеюсь, в свою очередь, поделятся с нами своими соображениями на этот счет.

Е. Коваленко:

Сегодня нам предстоит решить двоякую задачу. Во-первых, представить результаты нашего исследования. Во-вторых, обсудить их с вами и получить рекомендации, на основании которых можно было бы дополнить наше исследование, с тем чтобы впоследствии интегрировать все это в книгу, которую мы собираемся опубликовать.

Цель нашей работы заключалась в том, чтобы подробно описать как можно больше существующих барьеров для бездомных, причем описать в форме, которая была бы доступна и понятна самой широкой аудитории.

Во-первых, мы стремились систематизировать разрозненные данные о проблемах, с которыми сталкиваются бездомные. Во-вторых, собрав эти данные воедино, дать возможность любому специалисту любого органа государственной и муниципальной власти, вообще любого учреждения увидеть проблему целиком, а не только тот ее «кусочек», с которым специалист непосредственно сталкивается в своей работе. В-третьих, разработать рекомендации, которые, мы надеемся, послужат стимулом к тому, чтобы разговор о бездомности был, наконец, начат на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. В-четвертых, привлечь внимание общества к теме бездомности (надеемся, что присутствие журналистов на нашей встрече также будет этому способствовать).

Мы надеемся, что, познакомившись с результатами нашего исследования, люди лучше будут понимать проблемы бездомных и изменят к ним отношение, которое пока чаще всего является негативным. Всем нам следует хорошо представлять себе, что не сами бездомные виноваты в своих проблемах, а общество и государство ставят их в такие условия, что у них практически нет возможности изменить свою жизнь к лучшему.

Е. Строкова:

В нашем исследовании четыре основных блока вопросов.

Первый – это проблемы, связанные с жизнью на улице: выживание, алкоголизм, наркомания, соблюдение личной гигиены, взаимодействие с сотрудниками милиции, отдельно — бездомные семьи.

Второй – бездомные и государство. Отсутствие документов, регистрации, места жительства, доступа к медицинским услугам и услугам социальной защиты.

Третий – возвращение в общество: трудоустройство, обращение в суд, стигматизация бездомных, перемещение иногородних без документов.

Четвертый – жизнь на грани. В этом блоке рассматриваются как группы высокого риска бездомности (например, выпускники детских домов), так и группы, которые широко представлены среди бездомных (например, эмигранты).

Итак, первый блок – жизнь на улице.

Мы попытались выделить основные проблемы, которые бездомному человеку нужно решать ежедневно. Это в первую очередь ночлег, и в частности ночлег в холодное время года (проблемы обморожения). В Питере имеется опыт создания теплых убежищ в холодное время года, пунктов обогрева. Мы считаем, что в крупных городах это имеет большой смысл, наряду с упрощением приема в стационарные учреждения. Нам сказали, что в холодное время года Москва принимает всех, но почему же тогда такое огромное количество бездомных на вокзалах? Действительно ли принимают всех?

Далее. Существует проблема недостаточного распространения информации о доступности мест в ночлежках — если бездомному на Курском вокзале, например, не встретятся волонтеры, то он никогда и не узнает, что можно где-то переночевать.

И отдельно мы хотели бы поговорить о центрах дневного пребывания, где отчасти могут решаться проблемы, связанные с личной гигиеной бездомных, оказываться консультации. Институт предлагает на региональном уровне разрабатывать программы, которые бы включали отдельный пункт о финансировании и санобработке бездомных.

Хотелось бы услышать мнение присутствующих обо всех этих проблемах.

М. Боброва:

По поводу ночлега в холодное время года могу сказать следующее. Ночлежки действительно принимают практически всех, но они не рассчитаны на такое количество бездомных. Кроме того, не все ночлежные дома могут принять людей без санитарной обработки. С одной стороны, это плохо для тех, кто хочет переночевать. Но с другой — если нет санитарной обработки, то это чревато заболеваниями. Я читала про опыт Санкт-Петербурга, про пункты обогрева, но считаю, что там есть свои проблемы.

Е. Кузьмина:

Пункт обогрева представляет собой палатку, в которую набивается куча людей, о каких санитарных нормах при этом может идти речь? О том, чтобы минимальную санобработку провести перед палаткой, речи быть не может. Получается, что в данный момент люди обогрелись, все хорошо, а через какое-то время мы получаем проблемы в другом размере и по другим статьям. И ведь эту палатку даже продезинфицировать нельзя — машину, и ту продезинфицировать сложно...

Е. Строкова:

Есть еще, насколько я знаю, европейский вариант — это когда открывают для ночлега метро и потом его дезинфицируют.

М. Перминова:

Палатка – это прекрасный пиар-ход для привлечения средств на помощь бездомным, а рекламировать ее как способ решения проблемы негуманно по отношению к обществу. Гораздо эффективнее знакомиться с мировым опытом и применять его. Например, в Париже есть казармы, специально приспособленные для ночевки в холодное время года. Бездомных заранее фиксируют и привозят на автобусах. Повсеместно практикуется размещение на одну ночь. В Европе много дневных центров и разных других организаций для бездомных, много мест, где можно помыться и привести себя в порядок, поэтому бездомные у них и выглядят, и чувствуют себя лучше, чем наши.

На мой взгляд, именно это направление помощи имеет смысл сегодня развивать, потому что многие не опускались бы до такой степени, имей они возможность следить за собой. Я знаю людей, которые даже работают, которым даже есть где жить (например, могут ночевать на работе), но которым абсолютно негде помыться. И потом — нельзя забывать о человеческом достоинстве. На тех же дезстанциях обращение с людьми просто варварское: человека полностью раздевают, одежду засовывают в шкаф для прожарки... А если человек впервые попал в такую ситуацию, не сориентировался что к чему — и тут сразу такой удар по психике, от которого он может не оправиться, и вот он уже пополнил собой армию никому не нужных и презираемых.

Н. Кузнецова:

Сеть дешевых бань нужна.

М. Перминова:

Не все социальные гостиницы могут принять людей без санобработки. Хотя по санитарным нормам на одну ночь человека можно поместить в специальный изолятор, никто не хочет с этим связываться. Огромная проблема связана с человеческим фактором, с самими сотрудниками этих социальных учреждений. Когда приходит грязный человек, они часто не хотят вникать в его проблемы. На бездомных орут, их оскорбляют. Их сплошь считают алкоголиками и паразитами. Можно ли сказать, что люди недобросовестно выполняют свою работу? Просто в нашем обществе сложилось такое мнение о «жителях улицы».

О. Вышинский:

Предлагаю вернуться к теме ночлега в холодное время года. Безусловно, ночлежки должны принимать всех, но ночлежку еще нужно найти. Человек, пробывший в состоянии бездомности несколько месяцев, дезориентируется совершенно. Во всем. Он не может организоваться себя, ориентацию во времени он теряет, найти дорогу не может. В холодное время года раньше темнеет. Как бездомному человеку добраться до ночлежки? В общественный транспорт его не пускают. Пешком он идти далеко не может, так как у многих развиваются болезни ног (трофические язвы и т.п.). А ночлежки в Москве находятся в очень отдаленных местах. В связи с этим возникает еще одна рекомендация. Недостаточно просто информировать бездомных о социальных учреждениях, недостаточно дать ему эту книжку [«Адреса милосердия»], хотя книжка очень хорошая, там все описано, но человек не знает, что где искать. Необходимо социальное сопровождение человека до этих самых заведений.

Е. Строкова:

А если человек сам доберется до ночлежки, есть ли у него шанс устроиться?

О. Вышинский:

Его могут футболить сколько угодно «благодаря» тому самому человеческому фактору. Я работал в выездной бригаде три года и знаю, что бездомные действительно вызывают очень сильное раздражение. Вполне объяснимое. Так что отношение персонала в социальных и медицинских учреждениях к бездомным, в принципе, понять можно, но оправдать нельзя. Тем не менее, если человек очень грязный, то ему скорее всего откажут. Необходимы специальные программы, направленные на преодоление такого отношения персонала к бездомным.

И еще. Помыться бездомные худо-бедно где-то могут (на тех же дезстанциях, например). А вот со стиркой и сушкой одежды проблема действительно очень острая. В благотворительных организациях они могут получить одежду, но эта одежда получается фактически одноразовой, поскольку бездомному человеку негде ее постирать и высушить и она очень быстро приходит в негодность.

Е. Строкова:

Где может быть такая возможность, если не в дневном центре?

О. Вышинский:

Конечно, но можно и при дезстанции такую возможность предусмотреть.

Н. Кузнецова:

Все равно должно быть жилье. По моему глубокому убеждению, необходимо построить какие-то казармы. Сначала собрать туда всех, кто хочет. Потом работать с этими людьми и все-таки помещать их в «дом». Кто-то из них попадет в больницы и психиатрические лечебницы, кто-то будет лечиться от алкоголизма. А может, будут и нормальные, здоровые люди, которые, побывав в нормальных человеческих условиях, вернутся к трудовой деятельности. *(Реплика из зала: «Нельзя всех в одно место загонять».)* Можно как-то дифференцировать, безусловно. Но, так или иначе, такие общежития-казармы нужны. Люди должны иметь возможность все делать в одном месте, а не идти в одно место мыться, в другое стирать, в третье сушить, а где-то найти себе место для ночлега. И еще надо как-то найти еду.

М. Хохлова (??):

В Москве среди бездомных 10-15% москвичей, которые в ночлежках и живут. А в основном бездомные — это люди, имеющие регистрацию на территории РФ, приехавшие в Москву искать работу, но у них не получилось. Таких очень много. Им негде ночевать. Вот тут опыт Парижа и нужно использовать: сделать казармы, организовать автобусы, которые бы собирали людей с вокзалов и привозили в эти казармы, где можно принять душ, получить полотенце, попить чаю с булочкой. Люди могли бы привести себя в порядок, отдохнуть и подумать, как им дальше быть в сложившейся ситуации.

М. Боброва:

А сейчас вместо этого на вокзалах собирают людей и увозят их на автобусе в Дагестан в рабство на кирпичные заводы...

Н. Маркова:

Что такое холодное время, никем никак не определяется, и мы возвращаемся опять к человеческому фактору. Скажем, ночью минусовая температура, а днем еще не очень холодно — именно в это время начинаются обморожения и тому подобные печальные последствия, но вот должны ли сотрудники соцучреждений считать, что уже началось «холодное время»? Каждый понимает по-своему.

Я полностью согласна со всеми выступавшими в том, что дневные центры – это прекрасная вещь. Может быть, это глупо, но я каждый день езжу в метро и практически на каждой станции вижу минимум 10 сотрудников милиции. Я им очень благодарна, они, наверное, заботятся о моей безопасности. Но я думаю, что, если бы их было не 10, а трое, они бы так же заботились о безопасности. А сэкономленные, например, на этом средства можно было бы направить на профилактику бездомности или на то, чтобы бездомные люди в приличном виде могли попасть в метро. Моя мысль очень проста — мы работаем над следствием вместо того, чтобы разделить поток финансов и направить его на искоренение причины, на профилактику, создание тех же центров дневного пребывания…

Е. Кузьмина (??):

Действительно, у нас бывают сильные морозы, особенно по ночам. Хорошо, что есть автобус службы милосердия, который собирает людей, лежащих на снегу, на асфальте, страдающих от холода. В этом году у нас было меньше, чем раньше, людей с обморожениями, может потому, что не было таких морозов. До этого было огромное количество. Бездомные греются где попало: возле костров, возле каких-то батарей, под мостами и т.д. Мне кажется, на первом этапе необходимо создать элементарные казармы, а затем уже ставить вопрос об улучшении условий.

(??) :

Хочу заметить, что сейчас бездомные в основном это абсолютно нормальные люди, которые хотят работать. Это приезжие.

Е. Коваленко:

Но это только в Москве. В целом по России ситуация другая.

А. Осина:

Хочу напомнить, что в Москве действовал дневной центр для подростков, который долгое время принадлежал организации «Врачи без границ», но был передан другой организации. Сейчас его уже нет, но существует отчет о том, как действовал этот центр. Там можно прочитать, что предоставлялись не только услуги по обогреву и возможности постирать и т.д., но и проводились тренинги по выработке социальных навыков, какие-то летние лагеря и т.д. Порядка 30% попадавших в этот центр возвращались домой. Это был специальный центр, куда попадали только люди определенного возраста — подростки. Мы же сейчас говорим о поистине огромном числе бездомных, никак не дифференцированных. К проблеме такого масштаба очень сложно подступиться. А вот на опыте маленького центра, работавшего с конкретной категорией и показывавшего результаты, уже есть о чем говорить и что обсуждать.

Е. Кузьмина:

По пунктам представлю свои предложения.

Во-первых, на развитие социальных гостиниц в Москве требуются не слишком большие вложения (но благотворительные организации, конечно, это не потянут), причем каждую гостиницу надо оборудовать минимальным санпропускником, чтобы они хотя бы в холодное время работали.

Во-вторых, необходимо административно установить, какое время считать холодным (либо ввести определенные даты, либо на основании одной или трех холодных ночей подряд, либо как-то еще), и проследить, чтобы данные указания дошли до каждой социальной гостиницы. Понятно, что для бездомного доехать до социальной гостиницы в Москве от вокзала – это все равно, что в провинции переехать из города в город. Причем социальные гостиницы расположены не рядом с метро, а достаточно неудобно. То есть необходимо объяснять, как проехать, должны быть распечатки с подробным планом проезда. Далее важен вопрос денег. Хорошо, мы его один раз за руку отвели, научили. А деньги на проезд? Между прочим, проезд до любой социальной гостиницы – это минимум два вида транспорта: метро и еще какой-то. Это минимум 50 руб. Также хотя бы на холодное время нужно организовать доставку автобусами.

В-третьих, договориться с руководством вокзалов и более-менее крупных стационарных учреждений в местах скопления бездомных о том, чтобы, скажем, во второй половине дня объявлялось по радио, что, например, служба социальной доставки в ночлежные дома собирает людей на таком-то месте. Это по минимуму. Также можно

выйти на руководство РЖД. На территории вокзалов есть нежилые здания, в которых можно оборудовать те же самые прачечные, конечно хорошо контролируемые.

Е. Строкова:

Давайте перейдем к проблеме алкоголизма и наркомании. Алкоголизм может быть как спусковым механизмом бездомности, так и следствием адаптации человека к ненормальным условиям бездомного существования. Насколько мы знаем, помощь именно по лечению практически не оказывается.

Е. Кузьмина:

Почему не оказывается? Оказывается. Кто хочет — тому оказывается.

О. Вышинский:

В качестве эксперимента с мая этого года наша служба реализует программу содействия в преодолении субъективных препятствий при социализации. В частности, мы стараемся всех желающих госпитализировать в наркологические больницы для оказания специализированной помощи. Всего с начала мая было госпитализировано около 30 человек, это примерно 1% всех, кто к нам приходил на прием.

Прежде всего, нужно выявить желающих и нуждающихся. При госпитализации в наркологию ситуация примерно такая же, как и при помещении человека в ночлежку в холодное время. Формально есть такая возможность. Сначала здравпункт для бездомных выписывает направление в департамент здравоохранения. В департаменте выписывают талон на госпитализацию. И третий отрезок пути — от департамента до самой наркологической больнице. Сам бездомный все эти отрезки пути пройти самостоятельно практически не может. Где-нибудь да спотыкается. Человек, страдающий алкоголизмом, дезориентирован, дезорганизован, его необходимо сопровождать, чем мы сейчас и занимаемся.

Дальнейший их путь нами продуман, но еще не до конца проработан. Во время лечения мы их посещаем. Первую неделю к ним не пускают, они еще не пришли в себя, не вытрезвились окончательно, и с ними разговаривать бесполезно. Спустя неделю мы к ним приходим и беседуем о том, как они видят свою дальнейшую перспективу, как собираются поддерживать свою установку на трезвость, предлагаем различные варианты реабилитационных программ. Реабилитационные программы могут быть амбулаторными и стационарными. Существуют определенные общины, организации, частные центры по реабилитации нарко- и алкозависимых людей. Сейчас этим занимался Дом матери Терезы,

они предоставляли стационар для химзависимых людей с условием прохождения реабилитационной программы «12 шагов».

Далее, есть обитель «Тиль» в Калужской области, там стационар где-то на 70 человек, обоих полов. Существуют и другие стационарные центры в России. Недавно мы вышли на новый реабилитационный центр «Свобода», в Подмосковье таких три: «Ильинка», «Тарасовка» и «42-й километр». Они откололись от организации «Преображение России», которая, по мнению многих экспертов, является организацией сектантского толка с довольно варварскими методами лечения (переламывание пациентов всухую, что безусловно представляет угрозу для жизни, очень жестокий метод). У ребят из «Свободы» все гораздо адекватнее, гуманнее. Они заключили соглашение с лечебными учреждениями, с милицией, помогают не имеющим документы их восстанавливать. Вот это следующий шаг после лечения в наркологии – реабилитационный центр.

Н. Кузнецова:

Самое ужасное – это когда вылеченный человек опять становится бездомным…

О. Вышинский:

Проблема должна решаться комплексно. В частности, у нас сейчас два человека находятся на амбулаторной реабилитационной программе, притом они иногородние и в Москве у них нет надежного места пребывания. Одному мы помогаем снимать койко-место в общежитии, при этом он ищет работу по специальности «юрист», у него два высших образования. Восстановил паспорт, восстанавливает документы об образовании и посещает амбулаторную программу. Второго сегодня должны были выписать из наркологии, и мы хотим таким же образом подключить его к амбулаторной программе. Он тоже юрист с высшим образованием, интеллектуально вполне сохранный. У них твердая установка на трезвость. Есть вариант для бывших жителей Москвы и Подмосковья жить в социальных учреждениях Москвы и посещать амбулаторные программы. Сложность еще заключается в том, что период реабилитации человека растягивается на несколько лет, и результата мы пока увидеть не можем. Не можем понять, насколько был правилен или ошибочен выбранный нами путь.

Е. Кузьмина:

Сложно тем, кто хочет жить в городе. А те, кто готов жить вне города, могут обратиться в общины, особенно при храмах.

О. Вышинский:

Для некоторых достаточно пройти курс наркологического лечения и найти работу, чтобы вернуться к нормальному образу жизни. Есть люди социально активные, но подверженные пристрастию к алкоголю. Избавившись от этого пристрастия, они сохраняют трезвость, потому что держатся за работу.

М. Боброва:

Я не согласна с тем, что их нужно водить за ручку. Я считаю, что результат будет лучше, если человек сам хотя бы два дня будет трезвым сам, сам придет на санобработку и т.д. Возможно, нужно помочь ему отстоять очередь в департаменте здравоохранения, отвезти в больницу, потому что действительно далеко. Но у человека должна быть мотивация!

В приюте Сестер матери Терезы берут людей на излечение по 12-шаговой программе, но берут не всех — человек должен хотеть не просто попасть под крышу, а именно излечиться от алкоголизма. Сначала в течение трех месяцев пациенты никуда не выходят, и за это время им помогают восстановить документы. Потом они начинают ездить по городу, посещать различные группы анонимных алкоголиков, причем они привязаны к конкретному наркологическому диспансеру. С ними работает и психолог, и нарколог. А через шесть месяцев, когда восставлен паспорт, человек ищет работу, зарабатывает деньги и тогда уже уходит, снимает жилье. Если же водить его туда-сюда, то никакой мотивации не появляется и большинство возвращается в состояние бездомности.

О. Вышинский:

Все правильно. Для нас основанием для принятия решения о помещении человека в больницу является его собственная установка на лечение. Мы не уговариваем всех и каждого, кто, может быть, хочет попасть в наркологическую больницу, чтобы просто привести себя в порядок, отлежаться и т.д.

А. Осина:

Если алкоголизм — это одна зависимость, то наркомания – другая, и она имеет несколько осложнений, которых нет у алкоголиков. Это и ВИЧ-инфекция, и гепатиты, и передозировки, и проблемы с заболеваниями вен, и проблемы, которые приводят к ампутации рук и ног, когда человек становится инвалидом и потом на его реабилитацию необходимо гораздо больше средств. Когда мы имеем дело с потребителями наркотиков, мы должны все это иметь в виду.

Существует и проблема так называемого двойного диагноза, когда человеку ставят одновременно диагноз психиатрический и диагноз наркозависимости. Например, человек страдает депрессией, шизофренией, у него посттравматическое стрессовое расстройство и он употребляет в связи с этим какие-то вещества. А бывает наоборот — некоторые психические расстройства вызываются интоксикацией в ходе употребления некоторых веществ. На Западе разработаны программы работы именно с двойным диагнозом. Принцип такой программы заключается в том, что необходимо одновременно работать с психиатрическим заболеванием и заниматься реабилитацией, иначе эффекта не будет.

Теперь что касается 12-шаговой программы и мотивации. Существуют группы взаимоподдержки, в основе которых не 12-шаговая программа, а некий научный базис, поэтому в таких группах обязательно присутствует профессионал. Так вот их задача как раз и состоит в создании мотивации на отказ от зависимости.

Е. Кузьмина:

Самое эффективное – это когда помощь оказывает человек, который сам через это прошел. Он на своем личном примере демонстрирует, что можно быть и наркоманом, и пьяницей, и бездомным, и выпускником интерната, который никому не нужен, и сидеть в тюрьме, а потом нормально работать и в свободное время помогать другим. Такие примеры у нас есть.

А. Осина:

Подобная практика называется «Равный равному», причем существуют доказательства, на основе исследований, как эффективности, так и неэффективности привлечения таких консультантов.

Е. Коваленко:

Перейдем к следующей теме – бездомные и милиция. На наш взгляд, эту проблему можно рассматривать в трех основных аспектах.

Во-первых, не используется или слабо используется потенциал милиции в качестве органа быстрого реагирования и связи бездомного со специализированными службами помощи – медицинской, социальной и т.д.

Во-вторых, сотрудники милиции демонстрируют крайне жесткое отношение к бездомным.

И в-третьих, если бы милиционеры быстро реагировали на положение человека, только что оказавшегося в ситуации бездомности, и помогали ему связаться со службами

помощи, то множество случаев бездомности можно было бы предотвратить. Сегодня, к сожалению, все происходит с точностью до наоборот. Сегодня милиционеры могут избить бездомного до такой степени, что он становится инвалидом, или отнять документы у человека, в результате чего он прочно застревает в положении бездомного.

Иными словами, сегодня человек скорее может попасть в сложное положение, пообщавшись с сотрудниками милиции, чем выйти из него с их помощью. Можно ли вообще с рядовыми сотрудниками милиции работать, рассказывать им о бездомности, о том, что надо по-другому подходить к этому вопросу, и т.д.? Проблема и в том, что у милиции нет информации о службах помощи, да и самих этих служб катастрофически не хватает.

М. Перминова:

Конечно, можно смягчить отношение стражей порядка к бездомным, если приводить конкретные примеры, рассказывать, как люди попадают в такое положение...

З. Гутова:

Как в медицине есть тренинги по работе с пациентами, так и в школе милиции, с приглашением профессионалов, можно что-то подобное преподавать. Вообще, когда к нам обращаются люди с травмами после побоев и мы их, как правило, отправляем по скорой в стационар, эти случаи обычно не остаются незамеченными. К нам приходят из органов, и проводится служебное разбирательство.

Е. Коваленко:

Значит, можно рекомендовать всем учреждениям реагировать на такие случаи и заявлять о них, чтобы изнутри влиять на эту порочную систему?

М. Перминова:

Надо запомнить номер сотрудника милиции и об этом сообщить. И тогда милиция реагирует.

Е. Кузьмина:

О каком обучении в школе милиции мы говорим? Милиционеры, которые избивают бездомных, это люди, нигде не учившиеся. Это самый низший состав, и среди них очень много иногородних. Они совершенно не ориентируются в городе, не знают никаких городских законов и потому обратившемуся к ним даже за минимальной

помощью помочь не могут. Единственное, что можно сделать, – это наладить связь с милицейским начальством, чтобы каждого рядового сотрудника проинструктировали, куда обращаться по поводу бездомных, выдали памятку.

Е. Коваленко:

Вы говорите о ситуации в Москве. Если же отвлечься от Москвы и говорить о России, то, может, в маленьких городах работающие на улице милиционеры проходят такое обучение?

Е. Кузьмина:

В маленьких городках они своих бездомных знают в лицо. Если они там вообще есть. Они все тут, у нас.

Н. Маркова:

И все-таки я думаю, что людей надо образовывать. Самое простое – начать со студентов. Каждую осень мы (движение «Друзья на улице») идем в вузы и рассказываем о проблемах бездомности. Чем студент РГГУ отличается от студента какой-нибудь милицейской академии? То, что мы предлагаем, – своего рода общегуманитарное образование.

Е. Кузьмина:

С этим я совершенно согласна. Рассказывать о социальных проблемах надо везде.

Н. Маркова:

Милиционеры бывают разные, как и все люди. Во-вторых, они сталкиваются с проблемой бездомности с ее худшей, грязной стороны, это проблема «на их территории». Сколько раз было, что милиционеры перетаскивали полумертвого человека с территории вокзала (где они работают) на муниципальную территорию. А на площади трех вокзалов есть и милиция метро, и линейная милиция, и все они между собой не могут договориться, кто должен разбираться с этим несчастным бездомным. Для действующих сотрудников милиции, безусловно, нужно организовать какую-то стажировку, например на один день приставлять к службам помощи.

Е. Кузьмина:

Вы не понимаете проблему. Мы сейчас не говорим о расследовании преступлений. Та милиция, которая дежурит в метро, на вокзалах и около них, – это люди иногородние, и работают они в Москве вахтовым методом по 2-3 недели. Такой милиционер отработал здесь две недели, потом отправится в Питер или совершенно в другой район Москвы. Вы не понимаете, с кем имеете дело. Им все равно. И милиция не заинтересована в их обучении.

Н. Маркова:

Но мы же говорим, что милиция не знает, что делать с бездомными. У них нет инструкций, нет информации…

Е. Коваленко:

И еще мы говорим, что самой системы помощи фактически нет. Милиция не просто не знает, куда надо позвонить, но и звонить реально некуда.

Е. Кузьмина:

Инструкции надо раздать, а обучать бесполезно. Плюс памятку, которую в руки бездомному давать.

Н. Маркова:

Необходим общественный контроль. Нужно распространить информацию о том, куда можно сообщить о незаконных действиях сотрудников милиции.

О. Вышинский:

На самом деле у нас есть примеры и позитивного сотрудничества с милиционерами, которые нас вызывают, когда видят нуждающегося человека. В милиции тоже люди, им жалко человека выгонять на мороз из здания вокзала, у них совесть противится этому, поэтому они бывают очень рады, когда мы бездомных подбираем.

Н. Кузнецова:

То есть вы ответственность берете на себя…

О. Вышинский:

Да, и они нам за это признательны. Так мы взаимодействуем. У нас с милицией проблем нет, а вот у бездомных – много, в частности травмы: их бьют по ногам, где часто

вообще одна сплошная рана, и каждая травма потом отзывается инфицированной раной, трофической язвой и т.п.

О. Хохлова:

Хотите практическое предложение? Необходимо сесть за стол переговоров представителям милиции, департамента здравоохранения, департамента соцзащиты и наших организаций (и именно Фонд ИЭГ мог бы это организовать) и разработать инструкцию по работе с бездомным человеком. Где будет указано, что, например, если он алкоголик, то нужно позвонить по такому-то телефону, если надо его помыть – по такому телефону, временный ночлег – по такому телефону и т.д. И тогда милиционер будет знать, что делать. Ему-то зачем думать об этих проблемах, у него и помимо них заданий хватает.

О. Вышинский:

Милиция на самом деле перегружена работой, и основная причина, почему не любят бездомных, состоит в том, что и так работы выше крыши, а тут еще они… Естественно, это вызывает и раздражение, и желание спихнуть ответственность на кого-то другого. Куда делась служба вытрезвителей? Сейчас никто не собирает на улицах пьяных людей, которые могут быть вовсе и не бездомными. Вытрезвители должны существовать для тех, кто сам не может добраться домой, чтобы они не замерзали, чтобы их не ограбили, а не чтобы у них деньги забрать.

Е. Строкова:

Следующая тема – бездомные семьи. Например, бездомная семья не хочет отдавать ребенка в соцучреждение, опасаясь, что потом ей его не отдадут, и продолжает жить, например, на вокзале с этим ребенком. На Западе бездомным семьям с детьми очень быстро предоставляется жилье, но у нас таких вариантов нет, у нас есть только вариант отдать ребенка в учреждение. Что можно в этой ситуации предложить?

М. Боброва:

Если у родителей есть родительские чувства, то пусть ребенок будет какое-то время находиться под опекой государства, а они за это время решат вопрос с жильем.

Е. Коваленко:

Но ведь нельзя препятствовать матери видеться с ребенком.

М. Боброва:

Если у матери нет документов, она не может зарегистрировать ребенка. Если она хочет забрать ребенка из детского учреждения, у нее должна быть мотивация как можно быстрее сделать документы.

Е. Кузьмина:

А правильно ли, что из роддома ребенка выдают в никуда, бездомной матери? Вот, скажем, женщина без документов по скорой попала в роддом, родила, записаться может кем угодно. И ей ребенка отдают. Тем самым мы однозначно ставим его здоровье под угрозу. Самим этим фактом сразу его депривируем. Этот вопрос следует обсудить, причем на законодательном уровне.

Е. Строкова:

А как быть, если я просто потеряла паспорт? Что, мне ребенка первые три месяца не отдадут, пока я паспорт не восстановлю?

А. Осина:

Необходимо разработать в первую очередь не запретительные, а конструктивные предложения. Когда мы предъявляем обвинения криминального характера, требуются определенные доказательства. В Вашей книге мне резануло слух предложение: «Были случаи, когда матери с детьми не стремились к выходу из сложной ситуации, а, напротив, они занимали социально иждивенческую позицию, рассчитывая исключительно на государственные услуги, не прилагая никаких собственных усилий». Я подобные слова воспринимаю как уголовное обвинение. На каком основании мы его выдвигаем? Если уж мы, те, кто имеет прямой доступ к оказавшемся на улице бездомным семьям, к этим матерям, разбрасываемся такими обвинениями, то что говорить о всех прочих?

Надо не запрещать, а разрабатывать программы, в соответствии с которыми женщина, родившая ребенка, могла бы с ним какое-то время в каком-то центре находиться. Например, в Новосибирске есть такая организация «Сибмама», есть обители, которые принимают матерей, находящихся в сложной ситуации. Мы должны быть очень осторожными, иначе рискуем сильно навредить.

М. Боброва:

У меня в этом смысле отрицательный опыт. Мы работали с несовершеннолетней мамочкой из Перми, наркоманкой. Договорились, что ее возьмут работать в Дом малютки,

ребенок будет находиться там же при ней, пока ей не исполнится 18 лет. Мы ее туда привезли, но она вернулась обратно. Ребенок заболел, мы положили ее в больницу, потом ее оттуда не выпускали, так как она несовершеннолетняя. Тогда мы договорились, что ее возьмут в православную общину. В результате она сбежала, пока я отошла за ее документами. Потом она попалась, ребенка, родительских прав ее лишили. Но ребенок был уже очень запущен, в жутком состоянии.

А. Осина:

Есть факты, на основании которых можно лишить родительских прав. Решения принимают определенные органы. Но если мы просто решаем, что если женщина родила без паспорта, то ребенка надо оставить в роддоме и ей не отдавать, то это нарушение прав.

Е. Кузьмина:

Вы защищаете не человека, а права ради самих прав.

А. Осина:

Нет, я предлагаю разработать программы, которые позволили бы бездомной матери сохранить своего ребенка, тогда как вы предлагаете просто запретить.

Е. Кузьмина:

Такие программы уже есть. Это две разные категории. Какое право матери мы нарушаем, если путем изменения административного законодательства добьемся того, чтобы не отдавать ей ребенка до тех пор, пока не узнаем, кто она и что она живет не на улице? Какое ее право будет нарушено тем, что ее ребенок будет сыт, в тепле, здоров и под наблюдением врачей? Причем она может его навещать, пока восстанавливает документы. Давайте лучше поговорим о правах этого младенца. У него что, никаких прав нет? Он уже человек и имеет право на жизнь. Почему вот этим несовершенным законодательством мы ставим его изначально в депривированные условия? Когда мы начнем защищать его права через три месяца, он уже будет болен.

(??):

Удостоверение личности может занять нескольких лет. А жизнь в больнице для грудных детей очень негативно сказывается на здоровье и развитии.

О. Романова:

Я не очень хорошо разбираюсь в проблемах бездомных мам и детей, но по поводу восстановления документов хочу кое-что отметить. В миграционной сфере существует практика восстановления документов в случае их утери гражданином на территории пребывания. Предположим, я приезжаю в другую страну и теряю там документы. Я прихожу в консульство РФ, где есть установленный протоколом набор документов по установлению моей личности, в числе которых свидетельство о рождении и документы, подтверждающие наличие у меня родителей. В это время я нахожусь на территории консульства РФ, и туда приходят нотариально заверенные документы из России от моей семьи, подтверждающие, что я являюсь дочерью таких-то людей. Если и это невозможно, то проводится экспертиза ДНК.

Таким образом, все упирается в законодательную базу и наличие финансирования. Мы можем долго говорить о разных этических аспектах: чей ребенок, кому принадлежит и т.д. Это все лирика. Если действовать по такому же принципу, как в миграционной политике, то нужно выходить на законодательный орган, которым является Госдума РФ, прописывать предложения, выходить на соответствующий комитет, находить необходимых людей и пробивать эту тему. Находить партнеров, способных финансировать разработку подобных проектов.

М. Хохлова:

У нас всех, кто рожает без документов, отвозят в определенный роддом. Следовательно, при нем можно создать социальную службу, которая будет контактировать с органом помощи молодежи, где есть центр реабилитации женщин, попавших в кризисную ситуацию. Женщину направляют туда. И дальше с ней разбираются специалисты, больна она или не больна, домашняя или не домашняя, готова воспитывать ребенка или не готова. Всё.

Е. Кузьмина:

Мама, не имея документов сама, не может получить на ребенка свидетельство о рождении. Тем самым она препятствует ему быть гражданином. Тут два закона входят в противоречие. Поэтому надо перестать говорить о нарушении прав и выходить на законодательный уровень.

Е. Строкова:

Давайте перейдем к обсуждению темы жилья. Перечислю наши соображения на этот счет.

Прежде всего, необходимо дифференцированно подходить к оказанию помощи. Есть бездомные, которым нужен просто ночлег, кому-то требуется психологическая и другого рода реабилитация. А есть люди, которые уже готовы жить самостоятельно, но не могут решить свои жилищные проблемы. Конечно, можно сказать, что, раз они не могут решить вопрос с жильем (например, через трудоустройство), значит, о полной готовности говорить рано.

Далее, детям-сиротам, погорельцам, людям с аварийными жилищными условиями – то есть тем, кто относится к группам высокого риска бездомности и на кого должны быть направлены профилактические меры – должно предоставляться социальное жилье вне очереди. Под соответствующим контролем, разумеется.

Что касается «уличных» бездомных, то один из механизмов помощи – развитие сети социальных гостиниц, в которых можно жить за определенную плату, что-то типа социальной аренды. Чтобы создавать у людей мотивацию зарабатывать себе на жизнь.

Какие будут комментарии?

(??):

К группам высокого риска необходимо еще добавить бедные семьи.

Е. Строкова:

Конечно, группы могут быть разные, объединяет их то, что все они находятся в ненадежной жилищной ситуации (перенаселенное жилье, угроза насилия и др.).

М. Боброва:

Согласно 157-му федеральному закону детям-сиротам по выходу из детского сиротского учреждения должны предоставлять жилье не меньшее, чем у них было. Возвращать их в семьи, откуда их изъяли, категорически нельзя. В Москве это выполняется, в других регионах дела обстоят значительно хуже. Но мы с регионами стараемся работать. Например, помогает организация «Соучастие в судьбе».

В группу высокого риска попадают и люди психически больные. Когда они к нам обращаются, мы с ними работаем, юристы помогают, но в первую очередь им должны помогать врачи. Однако если человек не опасен для окружающих и для себя, то в психиатрическую больницу его не берут. Хотя в лечении такой человек нуждается.

Е. Кузьмина:

Еще есть люди со слабо выраженным, на первый взгляд, психическим заболеванием. Многие не обследованы, диагнозы не установлены. Было бы очень хорошо с сообщениями, семинарами, беседами о проблемах бездомности выходить на психологические факультеты, потому что психологи очень нужны для того, чтобы работать с бездомными непосредственно по месту их фактического пребывания, еще до того, как они попадут в какие-то учреждения.

Важно хотя бы даже не на уровне диагноза, а на уровне, скажем так, первичного подозрения установить, что человек нуждается в обследовании. Он может не представлять угрозы для общества, но его все равно нужно выделить в какую-то специальную категорию с точки зрения социальной работы. Формально он дееспособен, а фактически нет. Я и то теряюсь, когда нужно ходить по инстанциям для решения какого-либо вопроса, а для человека, совершенно не приспособленного, это просто не по силам.

Наконец, вопрос, касающийся выпускников интернатов. Бывает, что они формально имеют жилье, но фактически это жилье непригодно для жизни (воды нет, газ отключен, окна выбиты много лет назад, все испорчено сыростью и т.д.). Спрашивается, из каких средств молодой человек, не начавший еще толком работать, будет приводить жилье в пригодное для проживания состояние? Но им никто не будет заниматься, так как формально у него жилье есть. Всё. Это огромная проблема.

Е. Строкова:

Вообще-то, в функции органов опеки входит отслеживать, пригодно жилье для жизни или нет.

Н. Кузнецова:

Чаще всего этим бедным детям предоставляют общежитие. Если они не находят работу, то с общежитием теряют связь или не могут за него платить. И через несколько лет это бездомный человек.

(??):

Мальчики теряют место в общежитии, еще и уходя в армию.

Е. Кузьмина:

Провинциальные детские дома или интернаты своих воспитанников направляют учиться не согласно их склонностям, а просто в то ПТУ, где есть общежитие. Например, в небольшом городке где-то под Новосибирском всех отправляли учиться в ПТУ на повара.

Сколько надо поваров для маленького городка? Они могут там вообще найти работу? Нет. Его просто спихнули туда, где было какое-то жилье. И вот молодой человек закончил ПТУ, а у него и работы нет, и жилья уже нет.

Е. Строкова:

А для коррекционных интернатов это вообще отдельная тема.

Е. Кузьмина:

На определенных этапах социальной работы происходит то же самое, что и с милицией, – спихивают со «своего» этапа на другой и всё.

М. Хохлова:

По-моему, социальные органы защиты на местах свои функции не выполняют потому, что нет настоящих специалистов. Вся проблема только в этом.

М. Боброва:

Большой вопрос, который я все время поднимаю, – это онкобольные, оказавшиеся на улице. Их даже нельзя устроить в дом-интернат. Человек умирает без медицинской помощи.

М. Перминова:

Есть решение для психиатрических больных. В Париже, например, по районам созданы службы психиатрической помощи. Правда, это прививалось долго и тяжело и на это ушло несколько лет. Буквально в каждый центр в определенный день приходят студенты психиатрических медицинских вузов. Социальные работники, добровольцы, рекомендуют им, с кем из клиентов можно поговорить, и студенты, таким образом, получают практику.

Е. Кузьмина:

Я считаю, надо выходить на руководство психологических факультетов и подключать студентов к данной работе в качестве учебной практики.

А. Леонтьева:

Что могут сделать студенты? У студентов слишком низкая квалификация. Будучи профессиональным психологом уличной службы, я убедилась, что психолог без

социального работника мало что может сделать. Для работы психолога необходимы условия, возможность поддерживать длительные контакты с клиентом. При психологе необходим социальный работник, который мог бы сделать работу, к которой психолог не имеет отношения.

О. Вышинский:

А нам нужны психологи.

А. Леонтьева:

У меня была практика вовлечения психологов в волонтерскую работу с «уличными» людьми. В уличном режиме быть звеном первого реагирования психолог не может, он может работать тогда, когда социальный работник сможет оценить потребность в психологе и направить к нему нуждающегося. В принципе, в Москве создаются психологические службы, который не требуют даже документов на вход. Поэтому здесь ситуация не кажется безнадежной, просто дело в том, что психологи не могут заниматься комплексным решением проблем, связанных с внешними условиями жизни человека.

З. Гутова:

Бездомные – это взрослые люди с большим жизненным опытом, поэтому психологи должны быть со стажем. К студентам же, девочкам двадцатилетним, наши подопечные не могут серьезно относится, мол, что они знают о жизни…

О. Вышинский:

Вот у нас есть подопечный, 30 лет. За это время он успел получить два высших образования, послужить в армии, жениться, развестись, жил на улице. У меня такого опыта нет, как у него, и как его научить уму-разуму, я не представляю.

М. Перминова:

Тут должны быть просто очень опытные люди. А психиатрия – она работает с диагнозом.

(??):

Важен профессионализм. Можно быть профессионалом и в 30 лет, а можно и к 50 им не стать.

Е. Кузьмина:

Это все важно. Даже просто разговаривать с человеком надо уметь – это профессиональный навык.

З. Гутова:

И все-таки надо ставить возрастной ценз для работы с этими людьми. Я имею большой опыт вовлечения молодых добровольцев в работу, но теперь я опасаюсь отправлять их в самостоятельное плавание. Только вместе, с обсуждениями и т.д.

Е. Коваленко:

Давайте перейдем к следующей теме – отсутствие паспорта. Это основной барьер на пути решения проблем большинства бездомных. По оценкам, около 70% уличных бездомных не имеют паспорта, и это практически лишает их возможности как-то начать решать свои проблемы. Опуская описание сложностей, которые возникают при попытках восстановить паспорт, хочу сразу перейти к нашим рекомендациям. Самое важное, мы считаем, – это отслеживать случаи необоснованных отказов в принятии документов на восстановление паспорта по месту фактического проживания. И возможно, создать в УФМС горячие линии, на которые можно было бы обратиться с такой проблемой, в том числе и социальным работникам.

М. Хохлова:

Согласна.

М. Перминова:

В прокуратуру надо обращаться.

М. Боброва:

Я как раз много работаю с этой категорией людей. Существует приказ № 1105 от 2006 года, и мы информируем бездомных, что согласно пункту 13 этого приказа они имеют право подавать заявление о восстановлении паспорта не только по месту пребывания и регистрации, но и по месту обращения. Мы объясняем, что надо написать заявление в двух экземплярах, на одном из которых поставят отметку о том, что заявление принято, а если не принято, то по какой причине. И тогда уже можно что-то делать. Кроме того, существует Кодекс об административных правонарушениях, в пункте 24 которого

сказано, что по незначительным правонарушениям выносится общественное порицание, никаких штрафов в 1500-2000 рублей нет.

Е. Коваленко:

Это срабатывает? Вам удавалось так добиться отмены штрафа для подопечных?

М. Боброва:

Это срабатывает.

Н. Кузнецова:

Иногда срабатывает. Человек еще сам должен производить приятное впечатление.

Е. Коваленко:

А кто решает, брать штраф или нет? Сотрудник УФМС?

М. Боброва:

Да. Я обычно своим подопечным советую говорить, что их консультировали в ФМС РФ. Нас проконсультировали, мы консультируем людей. И это начинает действовать. Нельзя говорить, что у вас украли паспорт, в этом случае возбуждается уголовное дело и это никому не нравится. Что же касается подтверждения гражданства, то мне не раз приходилось ходить в ФМС РФ, и я поняла, что все вопросы решает исключительно начальник отдела по гражданству.

М. Хохлова:

Потому что если вы ошибочно выдали гражданство РФ, то вас можно оштрафовать, уволить или даже посадить в тюрьму. Поэтому этим и занимается только большой начальник.

Е. Коваленко:

А если человеку на заявлении отказываются писать, почему не принимают заявление?

М. Боброва:

Тогда надо его посылать по почте с уведомлением.

Е. Коваленко:

Вторая наша рекомендация – ускорить общий документооборот при получении паспорта, это касается не только бездомных, а вообще всех.

М. Боброва:

В том же приказе № 1105 сказано, если гражданин зарегистрирован и подает заявление по месту регистрации, то процедура длится 10 рабочих дней, а если по месту обращения, то два месяца. Но эти сроки не выдерживаются, особенно в Москве.

Е. Кузьмина:

К слову, однажды к нам мамочка обратилась, у которой дочка пропала. Речь не о криминале, не о бездомности — просто пропала. Когда я ходила в милицию по этому поводу, мне милицейский сотрудник сказал: «Ну что ж вы хотите? У нас из города Чехова интерполовский запрос полтора месяца шел». Это первое.

И второе. Надо хотя бы на административном уровне решить, где разместить человека, у которого приняли заявление на восстановление документа по месту обращения или фактического пребывания. Где иногородний будет жить в течение минимум трех месяцев ожидания? Тем более если дело происходит не зимой, когда в социальные гостиницы пускают всех. Нужно, чтобы на основании этого самого второго экземпляра заявления, о котором шла речь выше, пускали в социальное учреждение, где человек жил бы и не терял человеческий облик. Возможно, даже какой-то минимальной работой его обеспечить. Это, кстати, и для бездомных будет стимулом восстанавливать документы.

Е. Коваленко:

Следующая рекомендация – развивать систему содействия бездомным в сборе необходимых документов.

М. Перминова:

Очень хороший двухнедельный курс обучения социальных работников из разных российских регионов был подготовлен и проведен отделом помощи бездомным Москвы. Такие курсы надо проводить в разных городах, повторять, расширять, совершенствовать. Приглашать практиков, профессионалов и учить социальных работников.

Е. Коваленко:

Безусловно, надо это делать, это очень полезно. Но мы говорим о том, что необходимо все учреждения, не только социальные, подключать к работе с бездомными, учить их работать с этой целевой группой.

М. Боброва:

Самое простое – это сделать запрос по последнему месту жительства.

Е. Коваленко:

А кто это должен делать? Сам человек?

М. Боброва:

Сам человек зачастую этого сделать не может. Социальная служба посылает запрос, и ей отвечают, что такой-то прописан или был прописан, и паспорт у него номер такой-то, и выдан там-то. И тогда уже с этой бумагой проще пойти в паспортный стол УФМС, подать заявление.

Е. Коваленко:

Можно ли возложить эти функции на УФМС?

М. Боброва:

А эти функции на нее и возложены. Социальный работник просто дает толчок для ускорения.

Е. Кузьмина:

Я вообще не понимаю, почему при современном уровне развития техники: интернет, факс, электронные картотеки — это занимает так много времени?

М. Хохлова:

Запрос по форме № 1 должен отправлять паспортный стол, еще обязательно надо послать две фотографии, конверт. Без фотографий и конверта на ваш запрос никто не ответит.

Е. Строкова:

Необходим электронный документооборот.

М. Боброва:

Человеческий фактор сегодня, конечно, очень сильно тормозит любой процесс.

Е. Кузьмина:

Это форма опять же должна прийти на какой-то адрес. Значит, вопрос опять в том, кто может посылать запрос.

Н. Кузнецова:

У нас есть опыт создания документов. Мы делаем справку для приобретения билета и отправки. В сложных случаях приклеиваем сзади фотографию. Справка наша, естественно, не является удостоверением личности, но она помогает доехать. Отношение к справке еще зависит от внешности и умения себя вести самого человека.

Н. Маркова:

Вот, например, у Андрея Владимировича имеется база с информацией обо всех бездомных, всех ночлежках. У вас в пункте она, наверное, есть?

М. Боброва:

Нет, у нас ее нет.

Н. Маркова:

В Москве, например, делают некое подобие удостоверения личности — пластиковую карточку, у них ламинатор есть.

М. Боброва:

Они прекратили это делать.

Е. Строкова:

Получается, у каждой организации есть какая-то своя база?

Н. Маркова:

Вот именно. Если бы она была единая...

М. Боброва:

Единая база существует, но далеко не всем доступна.

Н. Кузнецова:

Еще нам иногда достается от милиции. Вот мы выдали справку, а с человеком вдруг что-то случилось, и к нам приезжает следователь. То есть мы потом несем ответственность.

М. Перминова:

У нас (Каритас) тоже было такое.

О. Вышинский:

В справке, которую мы выдаем, написано, что данные получены со слов.

Е. Кузьмина:

Я не считаю, что такой документ – карточка бездомного — вообще нужен. Это вторжение в юридическое поле. Документы должны быть чисто ситуативные, например справка для проезда. Действует в течение определенного срока, а дальше будь любезен делать себе документы.

Н. Маркова:

А если, например, человек умирает? Ведь часто он оказывается безымянным. Если бы у него хоть какая-то была при себе бумага…

М. Боброва:

Но они все равно не сообщают нам о себе точные данные. Только формой № 1 можно удостоверить личность человека.

Е. Кузьмина:

Мы, как общественные организации, не можем выдавать официальные документы и не должны этого делать. Документ, повторю, нужен только ситуативный. А договориться можно — другое дело, что надо все это свести в единую систему. Сколько раз бывало, что прихожу с бездомным на вокзал, обращаюсь к администратору или дежурному, и они выдают бумагу на бесплатный проезд в электричке. И человек уезжает.

М. Хохлова:

В справке, которую мы выдаем, мы указываем ту фамилию, которую нам называют, но мы не удостоверяем личность человека. Если справка на имя Сидорова, то это не значит, что Сидоров есть Сидоров, может, он Петров или Иванов.

Е. Кузьмина:

И такая справка должна действовать ровно два дня, чтобы он мог добраться, скажем, до Питера, и больше никаких прав она не дает, ничего не удостоверяет.

Н. Маркова:

Но, по крайней мере, с каким-то аналогом документа, когда человек хотя бы зарегистрирован в соцпункте, он может устраиваться на работу.

Е. Кузьмина:

Ни в ком случае этого не нужно делать. Не нужен такой аналог.

Н. Маркова:

Тогда мы возвращаемся к тому, что без паспорта он никто и все.

Е. Коваленко:

А что делать тому, кто не может восстановить паспорт? Ведь много случаев, когда невозможно это сделать.

М. Перминова:

Бывает, что приходит человек и кидает мне на стол паспорт, ИНН, пенсионное — два года восстанавливал, восстановил, а на работу устроиться не может, жить негде. Что делать? А есть люди с такой внутренней силой, кто несколько лет не могут паспорт восстановить, но при этом работают, не опускаются. Очень многое от самого человека зависит.

Е. Кузьмина:

И потянулась цепь беззаконий. Устроился на работу без паспорта — что это значит? Допустим, ему наплевать на его собственное поражение в правах, не имеет отчислений в пенсионный фонд, фонд страхования и т.д. Но предприниматель или учреждение, которые наняли его на работу, тоже не платят налогов, отчислений. Иными словами, практика устройства на работу без документов – это не есть хорошо. Мы не

должны людей к этому подталкивать. Они и без нас могут крутиться и жить беззаконно. Нельзя это возводить в нормальную практику, в систему.

М. Хохлова:

Я просто хочу подчеркнуть, что проблем действительно много. Вы знаете, сколько людей в связи с перестройкой вообще выпали из поля зрения паспортно-визовой службы? Необходимо внести изменения в законы, чтобы облегчить выдачу гражданства, еще что-то предусмотреть. Например, пока человек сидел в тюрьме, раздавали гражданство и он опоздал к раздаче. Докажи теперь, что ты гражданин. И таких среди тех, кто освобождается из мест лишения свободы, процентов 30, а то и больше. И мы с ними мучаемся. Это отдельная история, каждый раз отдельная работа с отдельным человеком. Справляются только самые стрессоустойчивые и упорные, те, у кого есть силы, и кто попадает на нормального социального работника.

Е. Коваленко:

Опять-таки мы пришли к тому, что необходимы специалисты для работы именно с этой целевой аудиторией, а их сегодня очень мало.

М. Перминова:

При этом человеку еще кушать надо, одеваться и иметь средства на то, чтобы ездить по разным инстанциям и службам.

Е. Кузьмина:

Нужно всем общественным организациям с широким привлечением правозащитников собираться и тщательно прорабатывать все эти вопросы. Надо менять законодательство, хотя бы административное. Но, как известно, суровость российских законов смягчается необязательностью их исполнения, поэтому нужен контроль за исполнением законов. А вообще, нужно всем вместе и по отдельности писать, писать и писать письма в надзорные органы. И когда им станет уже тошно, они начнут этим заниматься.

Н. Маркова:

Узок круг тех, кто занимается бездомными. Поэтому, например, можно назначить координатора, человека, к которому стекалась бы информация обо всех случаях правонарушений. И точно также один секретарь мог бы готовить и отправлять письма.

Е. Коваленко:

Возможно, не все знают, но уже существует сеть организаций, которые занимаются подобной работой. Это межрегиональная сеть «За преодоление социальной исключенности», объединяющая несколько организаций в разных регионах. Институт экономики города тоже в нее входит. Такая работа как раз для этой сети — собирать информацию у разных участников и пробивать, пробивать органы власти. То есть инструмент есть, я призываю вас подумать о вступлении в сеть и реально эту идею воплотить.

Е. Кузьмина:

У работников детских домов есть горячая линия, на которую «выставляют» человека. То же самое надо сделать и у нас — можно с помощью сети «За преодоление социальной исключенности». Пусть на горячей линии человеку дают какие-то первоначальные рекомендации, открывают личное дело, в которое мы все, кто будет с ним потом работать, будем скидывать информацию, что сделано, что с человеком происходит.

Е. Коваленко:

Но будете ли вы, организации-практики, это действительно делать? Ведь у всех вас очень много дел, будете ли вы успевать поддерживать эти личные дела?

Е. Кузьмина:

Когда мы упираемся в какую-то проблему, которую решить не можем, то садимся и пишем. Время находится.

М. Боброва:

У меня вопрос к представителям благотворительных организаций, которых много здесь сегодня. Мальчик из-под Магадана, со СПИДом, слепой уже практически, дома, в маленьком городке, его не принимают. Что с ним делать? Куда его деть?

Е. Кузьмина:

Все, кто хоть что-то мог для него сделать, сделали. Даже по телевизору о нем говорили. Это самый настоящий социальный исключенный, потому что он не может ни к какой социальной группе примкнуть, все его гонят. И никто его не возьмет ни в какое учреждение.

З. Гутова:

Это далеко не единственный случай. Есть приказ, согласно которому больной должен проходить лечение по месту жительства. Поэтому надо продумывать варианты, как человека отправить для лечения по месту жительства, пока он транспортабелен.

Е. Кузьмина:

Но для того чтобы установить место жительства, у него должен быть документ. И какое лечение ВИЧ по месту жительства, если фактически нет дома, крыши над головой? Этот парень, например, даже не из Магадана, а из какого-то городка под Магаданом...

З. Гутова:

Там есть тоже инфекционная больница. В Москве мест в больницах на всех не хватает.

Е. Коваленко:

Коллеги, давайте подумаем, надо ли что-то по этому поводу предлагать в наших рекомендациях или отправка по месту жительства оправданна и никакого нового решения искать не нужно?

З. Гутова:

Это очень сложный вопрос. Даже для такого мегаполиса, как Москва, мест в инфекционных больницах очень мало.

Е. Кузьмина:

Если учесть, что именно в Москву в поисках лучше доли стекаются страждущие, то при огромном участии благотворителей и государства должны быть созданы больницы для бедных по типу Обуховской, которая была в Питере еще до трагедии 17 года. Но совершенно необязательно, что такая больница должна быть в Москве или Петербурге. Она может быть в Рязани, Калуге или Смоленске. Это должна быть больница с профильными отделениями для бедных и бездомных. Врачи туда могут даже сменами приезжать.

Е. Коваленко:

И что изменит одна больница в каком-то регионе? Это же не решит проблему.

Е. Кузьмина:

Многое можно сделать, если это будет большая больница. Обеспечить уход там тоже вполне возможно, если в дополнение к медицинскому персоналу привлечь волонтеров. Другого способа нет. Нужна именно специальная больница для бедных, иначе мы эту проблему не решим. Вот конкретика – случай с Сашей, который не может то, не может это, и что с ним делать?

Е. Коваленко:

Безусловно, случай сложный. Но не приведет ли создание такой больницы рядом с Москвой специально для бездомных к тому, что вообще исчезнут все существующие сегодня возможности для бездомных попасть в больницы и получить медицинскую помощь в Москве? Возникнут проблемы отправки в эту больницу, доступа к ней и т.д.

М. Боброва:

Это должно быть уже что-то типа хосписа для самых сложных, запущенных случаев.

Е. Кузьмина:

Да, речь именно о таких случаях. Просто по скорой помощи никто в другой город, естественно, не повезет.

Е. Коваленко:

Коллеги, давайте подведем итоги. Вопросов много, и сразу все обсудить невозможно, но мы надеемся, что, может быть, в течение ближайшей недели вы повнимательнее посмотрите наши раздатки с рекомендациями и пришлете нам какие-то дополнительные комментарии и соображения, которые мы сможем учесть при подготовке результатов нашего исследования к публикации.

М. Хохлова:

Могу сразу сказать по поводу вышедших из мест лишения свободы. Я занималась этим два года очень плотно. То, что вы предлагаете, — очень хорошо. Я подписываюсь под каждым пунктом.

М. Боброва:

Единственный вопрос — по поводу документирования. В том же приказе № 1105 сказано, что их должны документировать. Но не документируют.

Е. Кузьмина:

По-моему, все упирается в общественный контроль за работой государственных органов, за нарушением законов. Эта тема для выхода на Общественную палату. Надо проталкивать наше направление работы.

Н. Клюева:

В нашей организации в ноябре тоже будет проводиться семинар по бездомности, посвященный проблемам альтернативного жилья. Мы хотим всех вас пригласить.

З. Гутова:

Два слова по поводу медицинской части. У нас с 2003 года в рамках государственной поликлиники работает первый здравпункт, где социальные работники, врачи, медсестры занимаются непосредственно бездомными. За прошедшее время у нас появились хорошие наработки и в социальном, и в медицинском отношении. Появилась преемственность между лечебными учреждениями, скорой помощью. Больные к нам неоднократно приходят, наблюдаются, обследуются. Если нуждаются в скорой неотложной помощи, мы это обеспечиваем, как и плановое лечение. В последние несколько лет очень редко отказывают таким больным в стационарах. Раньше часто бывало, что больных доставляет скорая, а в больницу не кладут, из приемного покоя выгоняют. Мы всегда следим за тем, что происходит с нашими больными, и в случае отказа обязательно выясняем его причину.

Е. Коваленко:

А ситуация стала меняться, потому что вы стали разбираться со случаями отказа или финансирование наладилось, или еще что-то повлияло? Ведь больницы отказывают потому, что часто помощь бездомным не финансируется и после лечения его некуда выписывать.

З. Гутова:

Показания для госпитализации у нас всегда выдерживаются, скорее всего, есть специальные приказы по поводу того, что лечебные учреждения не должны отказывать

больным. А также они поняли, что больной, которому они отказали, не затеряется — он вернется к нам, в каком бы состоянии он ни был.

Е. Кузьмина:

Важен контроль. Важно, что больной не один, что его кто-то ведет. Если я вызываю скорую, то я запишу и номер бригады, и номер машины.

М. Боброва:

Я хочу добавить, что в особо тяжелых случаях мы связываемся со службой милосердия, которая работает непосредственно в больнице.

З. Гутова:

Вот вы в книге пишете, что пункт на весь город один и, скорее всего, попасть в него больному бездомному не просто сложно, а невозможно. Хочу сказать, что, если больной нуждается в помощи, он к нам попадет. Главное для него — дойти до ворот. Правда, дезстанция № 4 не может полностью помочь в санобработке, поэтому бездомным я рекомендую обращаться в другие санпропускники и к нам уже приходить после них. Отказов у нас нет.

Е. Кузьмина:

Человека все равно должен кто-то консультировать, как и куда ему пойти. Потому что действительно больной сам ничего не найдет, а со сломанной рукой, с вывихнутой ногой, с температурой и т.д. он через эту толпу просто не пройдет. Дело не в доступе к медицинским услугам, а в доступе к этим «воротам».

Е. Коваленко:

Один пункт на всю Москву — как же дальше будет развиваться эта система?

О. Вышинский:

Наши представители занимаются предварительной доврачебной помощью. Мы принимаем нуждающихся, в том числе в квалифицированной медицинской помощи и облегчаем им проход вот в эти «ворота». Мы их через них проводим. Но такое подразделение может быть не одно — в принципе, их может быть несколько.

Е. Коваленко:

В любом случае пропускная способность этих «ворот» и возможности людей, которые работают в пункте, ограниченны.

З. Гутова:

Тем, кто приходит, мы не отказываем. Работаем с 9 утра до 9 вечера.

Е. Кузьмина:

Проблема не в медработниках, а в охране, охрана безобразная, сплошные правонарушения и преступления.

О. Вышинский:

С охраной и у нас есть проблемы. Очень часто, например, в обед привозим, проводим санобработку, люди ждут окончания обеденного перерыва в здравпункте, и в это время охрана их выпроваживает и они теряются. Это серьезная проблема. Мы с этим боремся, ругаемся с охраной, капаем на мозги администрации здравпункта, сами за ручку ведем бездомных в здравпункт. Осуществляем функцию сопровождения. Мы видим свою задачу именно в том, чтобы помогать бездомному преодолевать препоны, которые возникают у него на пути.

М. Ледовский:

Проблема бездомных меня касается как обычного, рядового москвича. Отец Олег говорил здесь о помощи бездомным со стороны церкви и про дезориентацию. Хочу сказать, что в этом отношении могут помочь пункты, где кормят бездомных, в частности в нашем приходе Косьмы и Дамиана, который здесь неподалеку, в Столешниковом переулке. И там можно было бы организовать дежурства врачей первой помощи, которые могли бы направления раздавать и брошюрки распространять.

О. Вышинский:

Такая практика была. Проблема заключалась в том, что около этого храма нашему автобусу парковаться негде, и решить ее не удалось. Поэтому мы перестали туда ездить. Такая служба при храме была очень востребована, но наши возможности, к сожалению, ограниченны. Нужно всем вместе над этим думать.

М. Ледовский:

Но приходов-то много в Москве. Я просто видел, в каком состоянии обращаются в приходы люди — абсолютно дезориентированные, видно, что больные.

О. Вышинский:

Организовать прием врачей при храме, при благотворительной столовой очень важно и нужно, такая служба очень востребована.

Е. Кузьмина:

Нет ни одного храма в Москве, где бы среди прихожан не оказался хотя бы один врач. Я уверена.

М. Ледовский:

Более того, у нас врачи ведут бесплатный прием прихожан, там и кардиолог, и терапевт, и другие.

Е. Кузьмина:

И зачем вам служба о. Олега, если у вас есть свои врачи, которые могли бы принимать больных? И так в каждом приходе.

М. Ледовский:

Но эти врачи о проблеме бездомных знают не больше меня и изнутри ее чаще всего не понимают.

М. Перминова:

Конечно, подобные службы создаются тогда, когда люди самоопределились и готовы это делать.

Е. Кузьмина:

Распечатать листки с информацией и раздать очень просто.

О. Вышинский:

Единственная проблема – создать общее информационное поле для организаций, общин, которые занимаются бездомными. Мы, например, публикуем аналитические отчеты на сайте «милосердие.ру», кто-нибудь об этом знает? Когда у нас начинаются зимние проекты? Какую помощь мы оказываем зимой, какую летом? Не все знают. Нужно

сделать более оперативной информацию о деятельности каждой организации, чтобы не дублировать одно и то же. Кормят, например, бездомных 10 организаций, медицинскую помощь оказывают полторы организации, социальную помощь — тоже полторы организации. В результате происходит определенный перекос, несостыковки и мы не охватываем всех нуждающихся, которых могли бы охватить.

М. Хохлова:

Хочу внести конкретное предложение. Когда мы были на коллегии в департаменте соцзащиты Москвы, там говорилось, что одного здравпункта мало, необходимо открыть при каждой дезстанции. Институт экономики города может выступить с таким, потому что в Москве очень много приезжих. Здравпункт переполнен, мы не успеваем.

М. Перминова:

И если это не москвичи, то должен участвовать федеральный бюджет.

З. Гутова:

Развивается же система у Андрея Владимировича Пентюхова — выездные бригады оказывают и медицинскую помощь.

О. Вышинский:

Да, социальный патруль работает, мы с ними координируемся. Недавно прибавилось еще несколько машин.

М. Перминова:

Им можно предложить, чтобы патруль подъезжал к тем местам, где кормят бездомных.

Е. Коваленко:

Коллеги, я думаю, что все-таки надо заканчивать. Объявляю наше заседание закрытым. Спасибо.